

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 2. «Бумажный кораблик плывёт по реке»

Выпуск № 1206

Арсений Тарковский

Река Сугакля уходит в камыш,
Бумажный кораблик плывёт по реке.
Ребёнок стоит на песке золотом,
В руках его яблоко и стрекоза.
Покрытое сеткой прозрачной крыло
Звенит, и бумажный корабль на волнах
Качается, ветер в песке шелестит,
И всё навсегда остаётся таким...

А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла.

1933

Даниил Андреев

из цикла «Восход души»

За детство – крылатое, звонкое детство,
За каждое утро, и ночь, и зарю,
За ласку природы, за тихий привет Твой,
За всю Твою щедрость благодарю.

Когда на рассвете с горячих подушек
Соскакивал я для прохладной зари,
Ты ждал меня плюшем любимых игрушек
И плеском беспечным в пруду и в пыли.

Ты лил мне навстречу и свежесть и радость,
Азартный галдёж босоногих затей,
Ты мне улыбался за нежной оградой

Стихов, облаков и узорных ветвей.

Наставников умных и спутников добрых
Ты дал мне – и каждое имя храню, –
Да вечно лелеется мирный их образ
Душой, нисходящей к закатному дню.

И если бывало мне горько и больно,
Ты звёздную даль разверзал мне в тиши;
Сходили молитвы и звон колокольный
Покровом на первые раны души.

И радость да будет на радость ответом:
Смесь, воспевать Твою чудную быль,
Рассыпать у ног Твоих перед рассветом
Беспечных стихов золотистую пыль.

1949

Выпуск № 1029

Мария Петровых

А на чердак – попытайся один!
Здесь тишина всеобъемлющей пыли,
Сумрак, осевший среди паутин,
Там, где когда-то его позабыли.

От раскалённых горячечных крыш
Сладко и тошно душе до отказа.
Спит на стропилах летучая мышь,
Дремлет средь хлама садовая ваза.

Ваза разбита: но вижу на ней,
Не отводя восхищённого взгляда, –
Шествие полуодетых людей
С тяжкими гроздьями винограда.

Дальше – слежавшаяся темнота,
Ужасы, что накопились годами,
Дрёма, и та, без названия, – та,

Что отовсюду следила за нами.

Нет, я туда подойти не смогу.
Кто-то оттуда крадётся по стенке,
Прыгнул!.. Но я далеко, – я бегу,
Падаю и расшибаю коленки...

Помню и лес, и заросший овраг, –
Было куда изумлению деться.
Всё – незабвенно, но ты, чердак,
Самый любимый свидетель детства.

.....

1929

Вероника Тушнова

Старый дом

Сколько раз я мечтала
в долгой жизни своей
постоять, как бывало,
возле этих дверей.
В эти стены взглядеться,
в этот тополь сухой,
отыскать своё детство
за чердачной стрехой.
Но стою и не верю
многолетней мечте:
просто двери как двери.
Неужели же те?
Просто чьё-то жилище,
старый розовый дом.
Больше, лучше и чище
то, что знаю о нём.
Вот ведь что оказалось:
на родной стороне
ничего не осталось, –
всё со мной и во мне.
Зря стою я у окон
в тихой улочке той:

дом – покинутый кокон,
дом – навеки пустой.

Лариса Миллер

Но в хаосе надо за что-то держаться,
А пальцы устали и могут разжаться.
Держаться бы надо за вехи земные,
Которых не смыли дожди проливные,
За ежесекундный простой распорядок
С настольною лампой над кипой тетрадок,
С часами на стенке, поющими звонко,
За старое фото и руку ребёнка.

1989

Выпуск № 179

Александр Блок

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке вёсла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель

Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.

И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звёздной синеве.

1905

Николай Гумилёв

Детство

Я ребёнком любил большие,
Мёдом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: "Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!"

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру, —
Сердце билось ещё блаженней,
И я верил, что я умру

Не один, — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всём.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

1916

Даниил Андреев

из цикла «Устье жизни»

В нелюдимом углу долины,
Где все папоротники – в росе,
Мальчуганом собор из глины
Строил я на речной косе.

Душно-приторная медуница
По болотам вокруг цвела,
И стрекозы – синие птицы –
Опускались на купола.

Речка, вьющаяся по затонам,
Океаном казалась мне
Рядом с гордым его фронтоном,
Отражаемым в быстрине.

Обратясь к небесам просторным,
Я молился горячим днём
С детской дерзостью и восторгом
И с не детским уже огнём.

И в грядущем покое устья,
На вечерней своей заре,
Как от Бога, не отрекусь я,
От того, что познал в игре.

1950

Выпуск № 174

Максимилиан Волошин

Вы спросили меня о моём детстве,
Я взглянул внутрь и ничего не вспомнил...
И подумал с грустью:
Было ли оно?
О да! Оно было. Но я не знаю его потому,

Что оно ещё до сих пор не кончилось...
Ранние годы мои
Стеснены были взрослыми:
Строгими волями, книжными мыслями,
Слишком недвижимыми
Для детской игры.
Точно я шёл одним коридором,
Безысходным, уставленным гордыми книгами и статуями богов,
Освещённым пыльным светом,
Пока не вышел
На звонкий и синий простор
Лиловато-розовых отмелей моря,
Где вереск, и ветер, и вещие волны
Переполнили
Сердце – светом.
И я понял в тот миг, что солнце
И море и ветер –
Только игрушки
И жизнь только предлог для игры.
А потом я ушёл
В большой и радостный город,
Где живут и играют
Миллионы людей.
Там я полюбил человека,
Его лицо, его тело, его слабости и его пороки,
Его мечты, его желанья, его паденья.
О, не бойтесь...
Я никогда не играю людьми...
Я люблю всматриваться в их лица,
Читать линии их ладоней,
Заглядывать в глубину их глаз,
Тёмных, как лесные озёра,
Я люблю их бережно держать в руках...
Ощущая трепет их сердца...
И солнечную теплоту их плоти.
Но я не делаю зла людям,
Потому что бесконечная жалость
Переполняет сердце, когда я прикасаюсь к человеку.
Я никогда не нарушил
Того, что растёт.
Я ни разу не сорвал
Нераспустившейся завязи цветка.
Я собираю только созревшие
Плоды,
Облегчая

Отягчённые ветви,
И если я многим причинял боль,
То только потому,
Что был жалостлив в тот миг,
Когда от меня требовали жестокости,
Что не захотел заиграть до смерти
Тех, кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели.

1911

Анна Ахматова

из цикла «Северные элегии»

И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и игрушек,
И добрых тётъ, и страшных дядь, и даже
Приятелей средь камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь:
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина.
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить,
И тем сильнее хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,

Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, – но длилась пытка счастьем.

1955

Выпуск № 299

Максимилиан Волошин

Спустилась ночь. Погасли краски.
Сияет мысль. В душе светло.
С какою силой ожило
Всё обаянье детской ласки,
Поблекший мир далёких дней,
Когда в зелёной мгле аллея
Блуждали сны, толпились сказки,
И время тихо, тихо шло,
Дни развивались и свивались,
И всё, чего мы ни касались,
Благоухало и цвело.
И тусклый мир, где нас держали,
И стены пасмурной тюрьмы
Одною силой жизни мы
Перед собою раздвигали.

1902

Лариса Миллер

О, были б эти сны и бденья
Лишь пробой голоса и зренья,
Лишь пробой кисти и пера,
Когда лишь робкой светотени
Идёт бесшумная игра;
Ещё не дали ходу драме.
Оркестр в оркестровой яме
Ещё играет вразнобой,
И нету связи меж мирами,
Грядущим, прошлым и тобой;
Ещё не вышел в полумраке

Маэстро в дирижерском фраке,
Чтоб в наступившей тишине
Нам показать безмолвным знаком,
Что мы с судьбой наедине.

1975

Фёдор Сологуб

Ангел благого молчания

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, –
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два лёгких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, –
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог,
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

1900

Выпуск № 569

Анна Ахматова

Ива

И дряхлый пук дерев
Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И – странно! – я её пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... как будто умер брат.

1940

Лариса Миллер

Всё поправимо, поправимо.
И то, что нынче горше дыма,
Над чем сегодня слёзы льём,
Окажется прошедшим днём,
Полузабытым и туманным
И даже, может быть, желанным.
И будет вспоминаться нам
Лишь белизна оконных рам
И то, как в сад окно раскрыто,
Как дождь стучит о дно корыта,
Как со скатёрки лучик ломкий
Сползает, мешкая на кромке.

1972

Давид Самойлов

И. К.

Мы не меняемся совсем.
Мы те же, что и в детстве раннем.
Мы лишь живём. И только тем
Кору грубеющую раним.

Живем взахлёб, живем вовсю,
Не зная, где поставим точку.
И всё хоронимся в свою
Ветшающую оболочку.

Выпуск № 28

Иван Бунин

При свече

Голубое основанье,
Золотое остриё...
Вспоминаю зимний вечер,
Детство раннее моё.

Заслонив свечу рукою,
Снова вижу, как во мне
Жизнь рубиновой кровью
Нежно светит на огне.

Голубое основанье,
Золотое остриё...
Сердцем помню только детство:
Всё другое – не моё.

1906

Иннокентий Анненский

Сестре

А. Н. Анненской

Вечер. Зелёная детская
С низким её потолком.
Скучная книга немецкая.
Няня в очках и с чулком.

Желтый, в дешёвом издании
Будто я вижу роман...
Даже прочёл бы название,
Если б не этот туман.

Вы ещё были Алиною,
С розовой думой в очах,
В платье с большой пелериною,
С серым платком на плечах...

В стул утопая коленами,
Взора я с Вас не сводил,
Нежные, с тонкими венами
Руки я Ваши любил.

Слов непонятных течение
Было мне музыкой сфер...
Где ожидал столкновения
Ваших особенных р...

В медном подсвечнике сальная
Свечка у няни плывёт...
Милое, тихо-печальное,
Всё это в сердце живёт...

Даниил Андреев

Александр Коваленскому
и моей сестре –
Александре Филипповне
Добровой-Коваленской

Отрывок из юношеской поэмы

...Но папоротник абажура
Сквозит цветком нездешних стран...
Бывало, ночью сядет Шура
У тихой лампы на диван.
Чуть слышен дождь по ближним крышам.
Да свет каминный на полу
Светлеет, тлеет – тише, тише,
Улыбкой дружеской – во мглу.

Он – рядом с ней. Он тих и важен.
Тетрадь раскрытая в руке...
Вот плавно заструилась пряжа
Стихов, как мягких струй в реке.
Созвездий стройные станицы,
Поэтом-магом зажжены,
Уже сверкают сквозь страницы
«Неопалимой Купины».
И разверзает странный гений
Мир за мирами, сон за сном,
Огни немислимых видений,
Осколки солнц в краю земном.
Но вдаль до поздних поколений
Дойдут ли скудные листы
Сквозь шквалы бурь и всеожжений,
Гонений, казней, немоты?
Иль небывалое творенье,
Живой цветок нездешних стран –
Увянет с тем, кому горенья
Суровый жребий свыше дан?
Сквозь щель гардин шумит ненастье,
Но здесь – покой, здесь нет тоски,
Здесь молча светится причастье
Благословляющей руки.

Здесь многокнижными ночами
Монах, склонившись на копьё,
Следит недвижными очами
Крещение странное моё.
Годину наших дней свинцовых
Он осенил своим крестом,
Он из глубин средневековых
Благословляет бедный дом;
И под теньями капюшона,
На глади древнего щита,
Лишь слово Zeit – печать закона –
Ясна, нетронута, чиста.

Текут часы. Звучат размеры,
Ткут звуковой шатёр, скользя...
И прежней правды, дальней веры
Чуть брезжит синяя стезя.
Но над лазурью – башни, башни,
Другой кумир, иной удел...

– Будь осторожен вдвое! Страшный
Соблазн тобою завладел. –

Так говорит сестра. Но мигом
Уж не рассеется дурман...
Она откладывает книгу
На свой синеющий диван.
Все измышленья в темень канут
От этой ласковой струи.

– Спокойной ночи, мальчик, – глянут
Глаза сестры в глаза мои.
И еле-зримо, – смутно, смутно –
Не знаю где, какой, когда –
Нездешней правды луч минутный
Скользнёт в громаду тьмы и льда.

.....

Выпуск № 1377

Анна Ахматова

Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, весёлая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте.
О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и лёгкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулочек снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют, –
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом,
И жаловался весело, и грустно
О радости небывшей говорил.
Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Всё горше и страннее было сходство
Моё с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака, –
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

Даниил Андреев

из цикла «Восход души»

Нет, младенчество было счастливым:
Сосны млели в лесу от жары;
Между скал по укромным заливам –
Мой корабль из сосновой коры;
Строить гавань волшебному флоту,
Брызгать, бегать, и у заворота
Разыскать заколдованный чёлн;
Растянуться на камне нагретом
Иль учиться сбивать рикошетом
Гребешки набегающих волн.

А вокруг, точно грани в кристалле –
Преломлённые, дробные дали,
Острова, острова, острова,
Лютеранский уют Нодендаля,
Церковь с башенкой и синева.

В этот мир, закипев на просторе,
По проливам вторгался прибой:
Его голосу хвойное море
Глухо вторило над головой.
А когда наш залив покрывала
Тень холодная западных скал,
Я на эти лесистые скалы
Забирался и долго искал;

Я искал, чтобы вольные воды
Различались сквозь зыбкие своды,
И смотрел, как далёко внизу
Многотрубные шли пароходы,
Будоража винтом бирюзу.
Величавей, чем горы и люди,
Был их вид меж обрывов нагих,
Их могучие, белые груди
И дыханье широкое их.

Я мечтал о далёких причалах,
Где опустят они якоря,

О таинственно чудных началах
Их дорог сквозь моря и моря.

А когда из предутренней дали
Голоса их сирен проникали
И звучали, и звали во сне –
Торжествующий и беззакатный,
Разверзался простор неохватный,
Предназначенный в будущем мне.

Помню звук: нарастающий, медный,
Точно праздничный рокот трубы,
Точно шествие рати победной
После трудной и страстной борьбы.
Словно где-то, над вольною влагой,
Мощный город, подобный орлу
Трепетал миллионами флагов
Пред эскадрой на пенном валу.

Был другой: весь смеющийся, свежий,
Он летел от баркасов, от мрежей,
Блеском утра насквозь просиян:
В нём был шум золотых побережий
И ласкающий их океан.
И я знал, что отец мой на яхте
Покидает седой Гельсингфорс,
Солнце жжет на полуденной вахте
Белым кителем стянутый торс.

Третий голос был вкрадчивый, сонный,
Беспокоящий, неугомонный:
Полночь с южной, огромной луной;
Странной негой, струной монотонной
Он надолго вставал надо мной.

Но ещё был четвертый; не горем,
Не борьбою, не страстью томим,
Но вся жизнь мне казалась – лишь морем,
Смерть – желанной страной за ним.
Всё полней он лился, всё чудесней,
Будто мать в серебристом раю
Пела мне колыбельную песню
И баюкала душу мою.
И всё дальше, в блаженные сини,
Невозвратный корабль уплывал,

Белый-белый, как святочный иней,
Как вскипающий пенами вал.

1935